

Владимир Иванович Даль

Поверка

Владимир Иванович Даль

Поверка

Было, говорят, где-то и когда-то присутственное место, в котором заседало, между прочим, несколько членов из купечества. Люди эти, нельзя сказать, чтобы охотой на службу пошли: у каждого из них кроме общего блага и свое собственное также было на уме; а служба, конечно, отнимала у них много времени и заставляла иногда поневоле запускать свои дела. Лишь бы польза в этом была, так это бы все ничего; известно, что собственным своим благом надо жертвовать для блага общего.

По обычному в то время и в тех местах порядку, господа члены эти не знали дела, да и не допускались вовсе секретарем к делам, и, правду сказать, сами не очень о том тужили; они охотно принимали на себя сообща разные издержки и пособия, лишь бы их не слишком отрывали от своих дел и не подвели, при случае, под обух. Подписать журнал и десяток-другой бумаг -- это их не чересчур обременяло, особенно, если не было никаких посторонних, неприятных и неуместных настояний о предварительном прочтении подписываемого. Все это досаждало, потому что

отнимает время, обременяет голову, вводит иногда в раздумье и притом ни к чему не служит, как уже было дознано на опыте нашими членами неоднократно в прежние годы их служения. "Пробовал, братец, и читать,-- отвечал один из них на совет приятеля,-- да еще хуже выходит". Поэтому роковые горюны отбывали свое трехлетие, ходили во все это время под страхом Божиим и человеческим, и если все благополучно проходило, то служили три молебна, на которых, как замечено было всеми, молились от избытка чувств и клали земные поклоны от усердия души, потом задавали обед, не жалея издержек, и предавались опять спокойно мирным своим занятиям. Некоторые, однако же, по каким-либо тревожным случаям, сходили с этого достохвального поприща -- если не калеками, то по крайней мере инвалидами, пожертвовав отечеству здоровьем своим и несколькими годами жизни. Так, бывали примеры небольших параличей, оставшегося навсегда биения сердца и других, большею частью нервических недугов, которые услаждались для приобретателей их разве одною только пользой, которую

приносила так называемая общественная служба их всему страждущему человечеству.

При таком положении дел милостивцы наши продали себя, так сказать, секретарю, казначею, а отчасти и небольшому числу прочих чиновников, которые распоряжались по собственному усмотрению, застращивая членов, в случае каких-либо неуместных сомнений, входящими и исходящими нумерами и шнуровыми книгами. И члены делались послушными, смиренными и покорными, не спорили, а молили только бога, чтобы трехлетие благополучно миновалось.

Однажды начальник узнал стороной, что в оговоренном нами месте для строгого и разборчивого критика нашлось бы кой-где и кой в чем по сучку и по задоринке; и главное, что хуже всего, будто бы и казна поступала в ящик, под ключи и печати только временно, на одни сутки, накануне урочного свидетельства; в остальное же время казна эта была не мертвым, а живым капиталом, обращаясь тут и там по рукам и принося казначею и секретарю небольшие проценты. Чиновники эти были так снисходительны, что позволяли да-

же и самим членам затыкать по временам этими деньгами дыры по торговым их оборотам, с тем, однако же, как само собою разумеется, чтобы члены эти, в поощрение на будущее время, платили за это и секретарю и казначею, каждому порознь, процента по два или по три на месяц.

Об этом-то узнал местный начальник. Не желая лезть в петлю за других, он тотчас принял втихомолку свои меры. Ему бы ничего не стоило, как говорится, накрыть виновных мокрым рядом; он мог нагряться тотчас же с шумом и громом, как снег на голову, потребовать казначея, секретаря, членов, освидетельствовать казну, заключить протокол об отсутствии ее, отдать всех их под суд и проч.; но все это, как сам он выражался, не обещало ему никакой пользы, кроме одного лишь вреда: при начете и раскладке ему бы и самому не миновать своей доли, а за этим он вовсе не гонялся. Итак, он начал с того, что стал поговаривать о беспорядках, которые, как де слухи до него доходят, оказываются вот в таком-то месте. "Надобно добратся до этих господ,— продолжал он,— надобно порядком до

них добраться: в первых числах будущего месяца непременно буду там и освидетельствую также казну". Он с намерением дал довольно большой срок, чтобы успели приготовиться и в особенности собрать и внести деньги. Дня за три он сказал наконец своим приближенным, что в такой-то день, часов в 10 утра, хочет туда нагряться. Он знал положительно, что все это будет передано туда от слова до слова в тот же день, и потому спокойно выжидал назначенный им самим срок.

Прибыв на место, начальник принял вид, будто намерен поверять делопроизводство, начал заглядывать в настольный, потом входящий, требуя на выдержку отчета по некоторым номерам. Затем вошел он в присутствие, занял место и просил членов продолжать свои занятия. Несмотря на троекратное повторение этой просьбы, т. е. приказа, члены могли только отвечать подобострастным поклоном, взглянувшись между собою в страшном недоумении: обыкновенные их занятия состояли в балагурстве такого рода, которое вовсе неудобно было продолжать в присутствии строгого начальника. Он

обратился к секретарю, указал на неразрешенные бумаги, лежавшие отдельной кипой на столе, и приказал читать их, обыкновенным порядком, как он выразился, хотя это здесь вовсе не был порядок обыкновенный.

Секретарь прочитал одну бумагу, начальник остановил его и спросил младшего члена, как он думает ее разрешить? Этот, не могши найтись в таких трудных и небывалых обстоятельствах, счел за лучшее поклониться и от молчаться. На повторенный вопрос последовал тот же ответ. Начальник обратился к следующему члену, с вопросом о его мнении, но успех был тот же: глубокое молчание. Тогда начальник обратился к третьему и сказал: "Ну, а вы, я думаю, также одного мнения с этими господами?.."

Затем начальник встал, потребовал казначея, стряпчего, спросил ключи, печать и пошел с полным присутствием свидетельствовать казну. Он очень хорошо знал, что все было на этот случай пополнено и деньги собраны, хотя и с трудом, и притом только на несколько дней. Сумма была большая и, впрочем, оказалась вся в наличности. Тогда, по-

хвалив всех за исправность эту, в которой де он и никогда не сомневался, начальник пригласил всех присутствовавших приложить к сундуку свои печати, а равно приложил и свою собственную, и нашел более удобным, для избавления членов от значительной ответственности, особенно по недостатку особого караула, передать денежный сундук для хранения на главную гауптвахту. Начальник не поскучал обожждать до исполнения на деле при нем же этого распоряжения. Вслед за тем казначей был уволен.

У многих при этом, как говорится, лица вытянулись по шестую пуговицу; но деньги были спасены. Каким образом потом действительные и страдательные соучастники этой личности между собой рассчитались -- этого я не знаю.

КОММЕНТАРИИ

При составлении настоящего сборника принималось во внимание то, что современный читатель имел до сих пор очень ограниченное представление о прозе В. И. Даля. В XX

веке вышло лишь два сборника его художественных произведений -- "Повести. Рассказы. Очерки. Сказки" (М.--Л., 1961; переиздано с некоторыми сокращениями: Горький, 1981) и "Повести и рассказы" (Уфа, 1981). Вполне естественно, что за рамками этих двух изданий остались многие произведения писателя, представляющие несомненный интерес.

Настоящий сборник является попыткой познакомить современного читателя с некоторыми из них. Представленные здесь повести и рассказы в советское время не переиздавались.

Как правило, все свои художественные произведения Даль публиковал в журналах и альманахах. В то же время писатель составлял сборники своей прозы, а затем подготавливал и издание собрания сочинений. В 1833-1839 гг. вышло четыре книги сборника "Были и небылицы Казака Луганского". В 1846 г. напечатано собрание сочинений в четырех частях -- "Повести, сказки и рассказы Казака Луганского" (на шмуцтитуле указывалось: "Полное собрание сочинений русских авторов"). Появляются сборники "Солдатские досуги"

(1843) и "Матросские досуги" (1853). В 1861 г. М. О. Вольф осуществил издание "Сочинений" В. И. Даля в 8-ми томах (с указанием: "Новое полное издание"). При жизни Даля это было последнее собрание его сочинений. Переиздано оно в 1883--1884 гг. "Товариществом М. О. Вольф". Наконец в 1897--1898 гг. то же издательство выпустило десятитомное "Полное собрание сочинений Вл. Даля (Казака Луганского). 1-е посмертное полное издание, сверенное и вновь просмотренное по рукописям, как "Бесплатное ежемесячное приложение к журналу "Новь".

Для настоящего издания была осуществлена научная подготовка текстов. За основу принималось последнее прижизненное издание. Текст его сверялся с предшествующими публикациями, а когда это было возможно, с авторскими рукописями. В тексты вносились обоснованные исправления. Особенности поэтики Даля, его стремление воспроизводить с большой точностью в своих произведениях живую речь современников заставили при приведении текстов в соответствие с современными орфографическими нормами сохра-

нять во многих случаях авторское написание, дающее представление о речевой атмосфере эпохи.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые. Сборник открывается самым значительным из публикуемых сочинений -- повестью "Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета", далее произведения следуют в хронологическом порядке.

Рассказ принадлежит к циклу "Картины русского быта". Впервые опубликован в журнале "Отечественные записки" (1848, т. 56, No 2). Перепечатывался в собраниях сочинений В. И. Даля 1861 (т. I), 1883 (т. III), 1897 (т. V) гг. А. И. Герцен писал о русской литературе 30--40-х годов (Собр. соч. в 30-ти т., т. XIII. М., 1958, с. 174): "Роман и новелла со страстью набросились на ... земной и вполне национальный предмет: на вампира русского общества -- чиновника. <...> Одним из первых бесстрашных охотников, который, не боясь ни грязи, ни смрада, отточенным пером стал преследовать

свою дичь вплоть до канцелярий и трактиров, среди попов и городских -- был Казак Луганский (псевдоним г. Даля)".

Стр. 343. *...нельзя сказать, чтобы охотой на службу пошли...*-- Купеческое общество каждого города избирало из числа своих членов чиновников для службы в городских и сословных учреждениях (думе, суде, торговых депутациях, купеческой управе и т. д.). Избрание на такую должность было для купца довольно тяжелой повинностью по причинам, названным Далем.

...не допускались вовсе секретарем к делам...-- О типичности этого явления см.: Дитятин И. И. Устройство и управление городов России, т. 2. Ярославль, 1877, с. 267.

...отбывали свое трехлетие...-- На выборных должностях купцы были обязаны прослужить три года.

Стр. 344. *Шнуровая книга* -- прошнурованная.

Стр. 345. *...накануне урочного свидетельства...*-- то есть очередной ревизии.

Накрыть мокрым рядом -- застать врасплох (рядно -- грубый деревенский холст, идет

на мешки, подстилки и т. д.).

Стр. 346. *Настольный* регистр делам -- "куда вписывают дела, по ходу их, вся сокращенная переписка ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Входящий регистр бумагам -- куда "вписаны все вступающие бумаги с отметками исполнения" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Стряпчий -- здесь: чиновник по надзору за ходом дел, связанных с юриспруденцией.

Стр. 347. *Главная гауптвахта* -- помещение, где находится старший караул города.